

АГНИ

Массовая библиотека
«ИСКУССТВО»

«Тут же заставил он Плюшкина написать расписку и выдал ему деньги, которые тот принял в обе руки и понес их к бюро с такою же осторожностью, как будто бы нес какую-нибудь жидкость, ежеминутно боясь расхлестать ее».

Иллюстрация к „Мертвым душам“ Гоголя

И. ЛАЗАРЕВСКИЙ

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ

А Г И Н

1817—1875

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ИСКУССТВО“

Москва 1946 Ленинград

Сороковые годы прошлого столетия — время расцвета искусства русской иллюстрации.

Этот расцвет тесно связан с подъемом в те годы русской литературы. Писательская деятельность основоположника критического реализма — Гоголя — разбудила умы всего прогрессивного, что было тогда в русском обществе, и сыграла огромную роль в современной общественной жизни. Правда, простота и красота русской речи, чувство национального самосознания, любовь к родине, стремление к лучшему ее будущему — все это оказало сильное воздействие на широчайшие читательские круги.

С начала 40-х годов один за другим выступали такие писатели и поэты, как Некрасов, Тургенев, Григорович, Достоевский, Островский. В их произведениях выражались безграничная любовь и симпатия к крепостному крестьянству, к социальным низам городской демократии и критика общественно-политического строя николаевской России. В творчестве Белинского и Герцена эта литература получала свое философское истолкование.

Общество, среди которого была и передовая часть молодых художников, зачитывалось всем, что выходило из-под пера любимых писателей. Художественный критик и историк искусства В. Стасов писал: «Белинский был решительно нашим настоящим воспитателем; никакие классы, курсы, писание сочинений, экзамены и все прочее не сделали столько для нашего образования и развития, как один Белинский своими статьями».

Естественно, что подъем русской литературы вызвал подъем книжной художественной иллюстрации и интерес к ней у молодых художников. Поле деятельности для них открывалось широкое. Иллюстрированные издания (книги, альманахи, сборники, тематические альбомы, наконец, журналы) выходили все в большем и большем числе.

К 40-м годам Академию художеств оканчивала группа художников-граверов, решивших отдать все свое дарование искусству книжной иллюстрации. В тесном сотрудничестве с ними художники-рисовальщики создали на протяжении 40-х годов большое количество иллюстрационных работ. Уже в 1841 году появилась замечательная в этом отношении книга: «Наши, списанные с натуры русскими». Об этой книге такой строгий судья, как Белинский, писал, что «до селе едва ли кто мог даже мечтать о возможности на Руси чего-либо подобного».

Оригиналы художников-иллюстраторов воспроизводились сочной и выразительной линией, которой отличается гравюра на дереве,— почти единственный в те годы способ репродукции.

Среди этих художников особое по значению место занял Александр Алексеевич Агин, создавший незабываемые иллюстрации к поэме Гоголя «Мертвые души».

Жизнь Агина прошла в суровых условиях напряженного труда и материальных лишений.

Агин родился в 1817 году. Отец Агина был богатым псковским помещиком старинного рода Елагиных, мать, вероятно, дворовая Елагина. Так как церковного брака между ними не было, то Агин и родившийся несколько позже его брат Василий считались «незаконнорожденными» и получили лишь сокращенную фамилию отца.

Ранние юношеские годы братья Агины провели в имении отца, который их любил, заботился о их образовании и поощрял рано пробудившиеся у обоих склонности к рисованию. Но Елагин вскоре умер, и на Агиных сразу отразилось их юридическое бесправие: завещания в их пользу не оказалось, и Александр Агин остался без всяких средств к существованию, имея на руках еще меньшого брата.

Среди скудных данных, на основании которых можно себе представить жизнь Агина, нет точных сведений, каким образом семнадцатилетний юноша очутился в Петербурге и как он попал в Академию художеств, стипендиатом Общества поощрения художников. Не знаем так же, как складывалась его полная лишений и нужды жизнь, как преодолевал он трудности академического учения и образования. Известно лишь, что братья Агины испытывали большие недостатки: «ели только черный хлеб и картофель и

рады были, когда могли достать и эту пищу, а сапоги у них нередко были без подошв, вместо которых прикреплялся картон». Но, несмотря на тяжелые материальные условия, Агин с настойчивостью трудился над развитием своего дарования, относясь к себе с величайшей требовательностью и развивая ту силу наблюдательности, которая ярко выражается во всем его творчестве. И в академических классах и в нетопленной зимой жалкой комнатухе занимался он, не зная отдыха. Только для страстно любимого им чтения и для воспитания брата он отрывался от работы. Агин почти не покидал Васильевского острова, где жил около Академии художеств, и переезжал «на ту сторону» лишь в те редкие дни, когда посещал Эрмитаж; здесь больше всего его прельщали голландцы с их картинами простой народной жизни.

Агин был в дружеских отношениях почти со всеми академическими товарищами, но особенно тесно он сошелся со своим сверстником художником-гравером Е. Е. Бернардом (1819—1880) и не расставался с ним в течение всей творческой деятельности, найдя в нем прекрасного исполнителя своих рисунков в деревянной гравюре.

Когда Агин прошел общие академические курсы, он был зачислен в 1836 году в класс исторической и портретной живописи Карла Брюллова. Брюллов всегда поощрял в своих молодых учениках стремление к правдивому отражению жизни, внимательно следил за укреплением их мастерства и прежде всего рисунка. Из мастерской Брюллова Агин вынес те твердые основы рисунка, ко-

«Оркестр понатужился, заревел сильнее прежнего и умолк».
Иллюстрация к рассказу Гребенки «Злой человек»

«...Вдруг он оправился .: с неистовым вдохновением пустился в присядку...»
Иллюстрация к „Тариктасу“ Сологуба

торые впоследствии помогли художнику владеть им с полной свободой. От Брюллова у Агина остался и прием в изображении человеческих лиц: одну часть оставлять на ярком свете, слегка ее моделируя, и разрабатывать теневую.

Агин окончил Академию художеств в 1839 году со скромным званием преподавателя рисования в средних учебных заведениях. Это обстоятельство тем более странно, что его сотоварищи, гораздо меньших дарований, получили звания значительно высших разрядов. Тут несомненно сыграло роль «незаконное» происхождение Агина.

По окончании Академии художеств Агин был уже вполне определившимся художником, однако он не переставал упорно совершенствовать свою индивидуальную манеру четкого, выразительного рисунка, прибегая порой к сильным контрастам черно-белого.

Скупые сведения о личной жизни Агина не дают возможности отчетливо нарисовать его облик. Один из более молодых товарищей Агина, К. Трутовский, отзывался о нем, как о человеке умном, даровитом, любившем искусство с неиссякаемой юношеской горячностью, «показавшем в своих рисунках и композициях громадное дарование». По его же словам, Агин всегда боролся с академической рутинной. Последнее особенно привлекало к нему всех его товарищей, среди которых он пользовался авторитетом. Молодежь не только искала у него советов, испытывая на себе плодотворное влияние талантливого и серьезного художника, но и любила проводить у Агина ве-

вчера, толкуя об искусстве. «И какие это были приятные вечера!» — вспоминал один из участников.

По словам другого художника, ученика и друга Агина, Л. Жемчужникова, сблизившегося с ним незадолго перед тем, как Агин отошел от работы над иллюстрациями, он рисуется также «добрым, серьезным художником с чувством». Агин был строг не только к себе, но и ко всем, обращавшимся к нему за советом; он требовал до тридцати переделок одного и того же рисунка, приводя этим в отчаяние даже наиболее терпеливых. А когда Агину говорили, что нельзя быть таким требовательным к своим рисункам, за которые он получал мизерное вознаграждение, он неизменно отвечал: «Что же делать, братец, если я не могу работать небрежно, совестно перед собой наврать что-либо».

Творчество Агина оказывало большое влияние на очень многих из его современников-иллюстраторов. Влияние Агина коснулось и знаменитого нашего жанриста П. А. Федотова, который пользовался его советами.

В рисунках и иллюстрациях Агина образы всегда психологичны, правдивы и неповторяемы, а бытовые сцены жизненны, непосредственны, остро наблюдаемы и во всем отражен пытливый ум художника, зорко подмечавший темные стороны жизни. Работы Агина, как законченные, так и подготовительного порядка, глубоко индивидуальны и своеобразны.

Находясь в Академии, Агин получал от Общества поощрения художников незначительную

материальную помощь. Но и она прекратилась, как только Агин оставил Академию. Художник очутился вместе с младшим братом буквально без всяких средств. Два видных и состоятельных члена Общества поощрения художников — почт-директор Ф. Прянишников и крупный чиновник А. Сапожников — по-своему решили «помочь» Агину. История этой помощи показательна для тогдашнего положения художников. «Мecenаты» предварительно заручились казенным заказом на издание картин-иллюстраций к «Ветхому завету» и затем уже поручили Агину исполнение оригиналов. Предстояла продолжительная работа, сложная по тематике, многофигурности большинства композиций и по кропотливому собиранию историко-археологического материала. Нужно было исполнить восемьдесят две иллюстрации большого формата. С обычной внимательностью и серьезностью отнесся Агин к этой работе, не считаясь с затратой труда, сил и времени. Сцены из «Ветхого завета» были скомпонованы художником умно и достаточно живо, несмотря на условность и специфичность сюжетов. На разработку в некоторых иллюстрациях мелких и подробных деталей Агин тратил много времени. Иллюстрации исполнялись контуром. К этой манере еще в 30-х годах прибегало немало русских художников. Контурный рисунок был труден и требовал точной и крепкой линии. Агин вполне освоил технику этого рисунка.

В начале 1845 года он их закончил. Они были воспроизведены гравюрой по металлу гравером К. Афанасьевым (1793—1857) и несколько пострадали от его черствого реза.

Наконец, весной 1846 года иллюстрации вышли в свет под названием «Ветхий завет в картинах» и были приветливо встречены ценителями искусств. Академия художеств отметила отличный дар Агина к композиции, заявив, что «рисунки сделали бы честь каждому художнику», а в очередном отчете Общества поощрения художников восторженно было заявлено, что в этих рисунках Агин «обнаружил самобытность и зрелость мощного таланта». Критика также одобрила иллюстрации молодого художника, найдя в них «много воображения, очищенный вкус и начитанность», отметив, что иллюстрации Агина «займут одно из первых мест между изящными изданиями своего рода».

Как же заказчики-издатели оценили труд Агина? Они уплатили ему по пяти рублей за рисунок, то есть четыреста десять рублей за всю работу, которую художник выполнял несколько лет. На этом они покончили все расчеты с художником, не заплатив ему к тому же за рисунок, заказанный позже для заглавного листа, и сосчитав его «в придачу» ко всем остальным. В 1861 году Сапожников переиздал пятьдесят три иллюстрации к «Ветхому завету» из восьмидесяти двух иллюстраций первого издания, заказав перегравировку анонимному малоспособному граверу, сильно огрубившему подлинную трактовку Агина. При этом издатель не указал автора этих иллюстраций и за счет Агина положил себе в карман круглую сумму, так как издание было целиком продано учебной части одного из министерств.

Смерть Олоферна

Иллюстрация к „Ветхому завету“

За чайным столиком весной,
Под липками, в часу десятом,
Сидел помещик столбовой,
Покрытый стеганым халатом.

Иллюстрация к „Помещику“ Тургенева

Одновременно с работой над иллюстрациями к «Ветхому завету» Агин отдавал много сил и другим изданиям. Первая половина 40-х годов у него была настолько плодотворна, что приходится удивляться, как он находил на все время.

В 1844 году Агин дебютировал в «Литературной газете» иллюстрациями к произведениям тогдашних писателей. Часть этих иллюстраций не представляет особенного значения. В некоторых из них чувствуется неуверенность композиции и нет еще той определенности рисунка, которой отмечено большинство позднейших иллюстраций Агина. Но он уже выделяется среди других иллюстраторов и более всего иллюстрацией к повести писателя Гребенки «Злой человек». В ней Агин изобразил оркестр крепостных музыкантов. В композицию иллюстрации Агин вложил много едкого сарказма, но и много чувства глубокой симпатии к этим подневольным людям, неистово шмыгающим домодельными смычками по грубо залатанным или перевязанным веревкой инструментам. Музыканты, видимо, совершенно оступели от окриков, а может быть, и рукоприкладства своего барина. Сам же барин самодовольно следит за впечатлением, какое производит оркестр его «подданных» на гостя — молодого человека, с грустью и состраданием смотрящего на них.

По экспрессии рисунка, лаконизму, метко схваченным выражениям, жестам и позам всех внесенных в композицию лиц эта иллюстрация заслуживает особой оценки, являясь к тому же

одной из лучших среди агинских работ, исполненных им для журналов.

В 1844 году вышло иллюстрированное издание под редакцией Некрасова «Физиология Петербурга». Для него Агин дал несколько очень интересных иллюстраций к очерку Панаева «Петербургский фельетонист»; рисунок в них живой и острый, много юмора в метко охарактеризованных типах тогдашних журналистов. Особенно запоминаются «Фельетонист в отставке» и сцена беседы двух фельетонистов — новичка и «мастера фельетона». Иллюстрации встретили положительную оценку Белинского.

В этом же году появилась миниатюрная детская книжка, посвященная Крылову. В ней помещен портрет Крылова и иллюстрации из жизни баснописца, исполненные Агиным для литографии, отпечатанной в два тона.

Вероятно, еще в конце 1843 года Агин приступил к первой своей большой работе — к исполнению иллюстраций для сочинения В. Сологуба «Тарантас». Книга вышла из печати в начале 1845 года. Это была повесть о путешествии по николаевской России некоего молодого идеалиста Ивана Васильевича со старым искушенным скептиком Василием Ивановичем. По отзыву Белинского, повесть «исполнена ума, остроумия, мысли, юмора и художественности», в ней «калейдоскоп наблюдений самых тонких, картин ярких, художественно набросанных». Содержание книги, несомненно, во многом отвечало и мыслям самого Агина о нравах и быте тогдашней России. Поэтому художник, найдя в тексте инте-

ресный и живой материал, с увлечением принялся за иллюстрации. В них еще нет той самобытной типичности, которая появляется у Агина в его работах к «Мертвым душам».

Но большинство иллюстраций к «Тарантасу» — несомненный шаг вперед в работе молодого художника. Такие рисунки, как отъезд с постоянного двора, встреча Ивана Васильевича с приятелями, сцена в клубе, пляска Василия Ивановича на балу, угощение частного пристава пригожим купеческим сыном, изображения того же купчика в тюрьме и отдельных лиц повести, — во всем была правдивость, непосредственность и наблюдательность, верное понимание русской провинции того времени и русских народных типов.

«Тарантас» имел шумный успех в русском обществе, и иллюстрации Агина немало ему содействовали. Но что их автором был Агин, стало известно лишь спустя много десятков лет. Эти иллюстрации приписывались талантливому и плодовитому художнику Г. Гагарину (1810—1893), ученику К. Брюллова, тогда как Гагарин выполнял только небольшую часть рисунков и украшений декоративного характера, все же иллюстрации к тексту принадлежат Агину. Даже для неискушенного зрителя, казалось, должно быть очевидным, что в работе над книгой Сологуба принимали участие два художника, настолько почерк одного отличается от почерка другого. Тем не менее легенда о том, что Гагарин является автором всех иллюстраций к «Тарантасу», не только держалась многие годы, но и была к тому же укреплена Белинским.

Критик восторженно отзывался об иллюстрациях сологубовской книги. Белинский приглашал взглянуть в «эти лица мужиков, баб, купцов и купчих, помещиков, лакеев, чиновников, татар, цыган» и согласиться, что «рисовавший их не только мастер рисовать, но и великий художник и знает Россию». «Рисунки к «Тарантасу» — это подлинная Русь!» — восклицал он. Белинский указывал, что автор этих иллюстраций — «один известный любитель, скрывший свое имя», и подчеркивал, что «он художник не по званию, а по призванию». Намек на Гагарина, в те годы уже пользовавшегося известностью в литературных и художественных кругах, был совершенно ясен. К тому же в издании не было упомянуто имя иллюстратора.

Лишь спустя полвека впервые в печати было осторожно сказано, что иллюстрации эти, «по всей вероятности», принадлежат Агину. Прошло еще немало лет, и в 1923 году появилось исследование, установившее, что автор текстовых иллюстраций к «Тарантасу» Агин.

Примерно в это же время был обнаружен документ — проспект издания 1846 года ста агинских рисунков к «Мертвым душам» в гоавюрах Бернадского. — в нем издатель сообщал, что оба эти художника «уже известны публике своими трудами в разных иллюстрированных изданиях, как, например, в «Тарантасе» Сологуба».

Естественно, возникает вопрос, который, однако, не заинтересовал ни одного из биографов Агича: как могло получиться, что Агин не только не протестовал против сокрытия своего имени

основного иллюстратора «Тарантаса», но даже не поднял голоса в защиту авторского права? Кажалось бы, что добиться признания авторства так расхваленных Белинским иллюстраций для молодого художника, только впервые выступившего с большой работой, было делом первостепенной важности. Но этого не случилось, и причину можно видеть только в том, что застенчивый и скромный Агин не захотел входить в какие-либо споры с влиятельными аристократами, какими являлись граф В. Сологуб и князь Г. Гагарин, и махнул на всё рукой.

Следующей значительной работой Агина были иллюстрации к повести в стихах И. Тургенева «Помещик» в изданном в 1846 году Некрасовым «Петербургском сборнике». Прекрасная бумага, четкий шрифт, отличная печать иллюстраций — все это делало книгу одним из лучших русских изданий 40-х годов.

Повидимому, Агин искренно увлекся свежо и легко написанной поэмой-повестью. Большинство иллюстраций очень удачны. Выпадают по качеству, как и всегда у Агина, изображения женских типов. Даже образ прелестной девушки с «самовластной» душой, изнывающей в окружении пошлости и грубости, не прельстил художника, и он никак не смог отразить его. Правдива и комична только фигура дебелой провинциальной львицы.

Особенно выразительно Агин передал самого помещика — «степенного, мирного семьянина», все существование которого сводилось к тому, что «любил он жирные блины, боялся чорта да

жены». Полон юмора «портрет» героя, в точности отвечающий словам Тургенева:

За чайным столиком весной,
Под липками, в часу десятом,
Сидел помещик столбовой.
Покрытый стеганым халатом.

Агин сумел показать существо, лишенное способности и потребности мыслить. Не менее выразительна сцена помещика, пойманного в любовных утехах его старой супругой.

Иллюстрации Агина к произведению Тургенева получили одобрение Белинского и самого автора повести. «Смотря на картинки Агина, невольно вспоминаешь стих Пушкина: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет», — писал Белинский, прибавляя, что эти «картинки — заглядение».

С самого начала 40-х годов в русском обществе все шире стали распространяться слухи о новом замечательном произведении Гоголя. Писатель уже читал отдельные главы своим друзьям, в том числе и Пушкину. Наконец, летом 1842 года оно появилось в свет. То была поэма «Мертвые души». Как для того времени, так и для наших дней гоголевская поэма являлась сатирой на весь общественно-политический строй николаевской России. По свидетельству Стасова, «все были точно пьянелые от восторга и изумления. Сотни и тысячи гоголевских фраз и выражений тотчас же были известны наизусть». Эти слова Стасова тем более для нас ценны в данном случае, что они отражают отношение к «Мертвым душам» и тогдашней художественной молодежи, к которой был близок сам тогда еще молодой критик.

Агин горячо любил литературу, нередко устраивал у себя литературные вечера. Увлечение «Мертвыми душами», конечно, не могло его не захватить и не вызвать в нем желания их иллюстрировать.

Агин явился не только иллюстратором великой поэмы Гоголя, но и ее глубоким истолкователем. Его иллюстрации оказали сильнейшее воздействие на современное ему общество и сохранили свою действенную силу вплоть до наших дней, ибо они являются результатом творчества художника, в большей или меньшей степени равными по гениальности творцу поэмы. Агин выявил и передал ее социальную и художественную суть, ибо образы его иллюстративной серии поднимаются по своей силе до литературных образов «Мертвых душ». Эти образы, вопреки позднейшим высказываниям Гоголя («Переписка с друзьями»), являлись яркой картиной разложения основ дворянско-чиновничьей и помещичьей России, в коей писатель не нашел ни одного человека, обладающего положительными качествами.

Агин понял сущность поэмы и в соответствии с этим придал своим иллюстрациям сатирический характер, не уклоняясь в карикатуру. Он создал свою сюиту в расчете не на безобидный смех, а на чувство негодования и протеста против того строя, который породил гоголевских героев.

Потрясающее впечатление, оставленное «Мертвыми душами» на современное общество, было еще более усилено иллюстрациями Агина, и, та-

ким образом, его имя навеки будет связано с именем Гоголя.

Художник решил приняться за иллюстрации к «Мертвым душам», не имея заказа на эту работу. На этот раз, вместе со своим неизменным гравёром Бернадским, он захотел самостоятельно издать поэму со своими иллюстрациями. Все обязанности издателя взял на себя Бернадский. В начале 1846 года Бернадский через Я. Грота и П. Плетнева, друзей Гоголя, жившего тогда в Риме, предложил писателю уступить право второго издания поэмы, заявив, что он снабдит ее иллюстрациями Агина.

Но Гоголь назвал себя врагом всяких политиканов и изданий с гравюрами и наотрез отказался от предложения Бернадского и Агина. Отказ Гоголя не поколебал ни Агина, ни Бернадского. Они только изменили форму издания, решив выпускать иллюстрации отдельными листами без текста, по четыре листа в тетрадке. Еженедельно, начиная с ноября 1846 года, должно было выходить по одной тетрадке, с тем чтобы к маю 1847 года закончить выпуск всех ста иллюстраций. Но неискушенные в издательских делах, художники не рассчитали своих средств и быстро истратили всё, что у них было. Был заложен даже бриллиантовый перстень, полученный Агиным по царскому распоряжению за иллюстрации к «Ветхому завету». Нужно было искать издателя. Он нашёлся в лице купца Горяинова. Материального успеха издание не встретило. Подписалось на него всего семьдесят два человека на сто шесть экземпляров. Розничная продажа шла ту-

«Вона! Пошла писать губерния!»
Иллюстрация к „Мертвым душам“ Гоголя

«Эк наградил-то тебя бог! вот уж, точно, как говорят,
неладно скроен, да крепко шит!..»

Иллюстрация к „Мертвым душам“ Гоголя

го. Разочаровавшись в затеянном деле, Горяинов решил прекратить издание на восемнадцатом выпуске, вышедшем в свет в апреле 1847 года.

Бернардский, однако, не сдавался. Он обратился в Академию художеств с просьбой о ссуде некоторой суммы на окончание издания. Из средств «на ободрение художников» Академия выдала шестьсот рублей серебром. Но и это не спасло издание, и оно прервалось на опубликовании семидесяти двух иллюстраций. Мы не знаем условий издательского договора художников с Горяиновым, но, повидимому, все авторские и издательские права были закреплены за Горяиновым, так как все сто досок перешли в его собственность. Агин и тут остался безукоризненно честным и, несмотря на все неудачи, довел иллюстрирование поэмы до конца.

По той же издательской неопытности художники не рассчитали формата иллюстраций по отношению к формату издания текста «Мертвых душ». В их проспекте указывалось, что всякий, имевший книгу поэмы, мог вложить иллюстрации на соответствующую страницу текста и вместе переплести. На деле же каждая иллюстрация занимала место значительно шире полосы набора и обрезанная по формату книги имела недопустимо узкие поля. Это обстоятельство также отразилось на распространении иллюстраций в отдельном издании.

Работа над иллюстрациями к «Мертвым душам» была Агиным в значительной степени уже выполнена, когда в «Избранных местах из переписки с друзьями» появились следующие слова

Гоголя: «Герои мои вовсе не злодеи, прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель бы помирился с ними со всеми». И в другом месте: «...и конечно, несравненно легче карикатурить старых чиновников в поношенных вицмундирах с потертыми воротниками, но схватить черты, которые довольно благовидны и не выходят острыми углами из обыкновенного светского круга — дело мастера сильного».

И именно таким мастером-иллюстратором явился Агин. Значение и сила зрительного воздействия иллюстраций Агина к «Мертвым душам» кроются в отражении поистине страшной, безграничной пошлости, которая так гениально выражена у самого Гоголя.

Когда Агин приступил к иллюстрированию «Мертвых душ», он знал наизусть всю поэму. Агин редко вносил в иллюстрации изображения природы и скупно показывал предметы быта. Он больше всего увлекался передачей характеристики, движения и жеста изображаемого образа.

Наблюдательный глаз художника улавливал присущие каждому человеку характерные черты. С большим чувством и художественным тактом Агин то усиливал эти черты до необычайной экспрессии, как в фигуре Плюшкина или Собакевича, то смягчал их до теплого юмора — в сценах Чичикова с Маниловым или Селифана и Петрушки.

Несомненно с наибольшим увлечением Агин работал именно над «портретными» иллюстрациями. В них остро и метко, с большой силой передан характер изображаемых типов.

Иное в иллюстрациях, где Агин вынужден был прибегать к композициям многофигурным. Здесь художник далеко не всегда чувствовал себя свободно и уверенно. Но и среди них встречаем весьма примечательные иллюстрации по экспрессии переданных сцен, по движению и отражению жизни и быта. Стоит вспомнить такие иллюстрации, как «Пошла старая попадья», «Далеко ли деревня Заманиловка?», «Пошла писать губерния».

Из женских типов удачнее те, в которых художник мог подчеркнуть что-либо смешное или тривиальное, как, например, в изображении Феодулии Ивановны или дам «просто приятной и приятной во всех отношениях». По выходе в свет иллюстрации вызвали сдержанные отклики в печати. Белинский не отзывался на них совсем, хотя он высоко ценил Агина.

Журнал «Иллюстрация» приветствовал рисунки Агина и указывал, что в них художник показал себя «умным, осторожным и ловким» рисовальщиком и что «карандаш его тверд и наблюдателен». Это был единственный отзыв, в котором упоминалось и о художнике-гравере, резец которого «искусен, как нельзя более»; но имени гравера привести не сочли нужным. Тургенев в «Современнике» сдержанно встретил иллюстрации.

Обширная статья появилась в «Отечественных записках». Она была написана молодым талантливым критиком В. Майковым, работавшим в критическом отделе этого журнала после Белинского. Майков хвалил работу Агина.

Позднее иллюстрации Агина к «Мертвым душам» высоко оценил И. Репин. Великий русский художник преклонялся перед Гоголем, сам стремился иллюстрировать его произведения, а из иллюстраторов Гоголя выше всех ставил Агина.

Полностью все сто иллюстраций к «Мертвым душам» были изданы А. Ефремовым, петербургским издателем, в 1892 году. Он приобрел доски у наследников Горяинова и в третьем издании воспроизвел уже сто четыре иллюстрации, так как у известного библиографа П. Ефремова нашлись еще три иллюстрации к главе «Мертвых душ» «Повесть о капитане Копейкине». Последнее Агин исполнил для задержанного цензурой в 1848 году «Петербургского сборника». Четвертый рисунок воспроизводил афишу о выходе в свет издания 1846 года. У Ефремова хранились не доски-гравюры, а самые рисунки. Обычной надписи Агина на них нет. Они воспроизведены цинкографией.

Печать не откликнулась на оба эти издания, кроме довольно бесцветной заметки писателя Н. Лескова.

Иллюстрации Агина к «Мертвым душам» на протяжении века их существования переиздавались много раз.

В самом начале первой мировой войны Репин настоял перед крупным петербургским издательством о воспроизведении всех иллюстраций Агина вместе с текстом в лучшем полиграфическом оформлении. К изданию приступили, но война прервала его в самом начале работы. В советское время они были изданы по первому изданию

«Эй, борода! а как проехать отсюда к Плюшкину, так чтоб не мимо господского дома?.. Что ж, не знаешь?»

«Нет, барин, не знаю».

«Эх ты! А и седым волосом еще подернуло! скрягу Плюшкина не знаешь, того, что плохо кормит людей?»

«А! заплатанной, заплатанной!»

Иллюстрация к „Мертвым душам“ Гоголя

«Одолжите, Федосей Федосеевич, дельцо за № 368!»
«Вы всегда куда-нибудь затаскаете пробку с казенной
чернильницы!»

«На, перепиши! а не то снимут сапоги, и просидишь ты
у меня шесть суток не евши».

Иллюстрация к „Мертвым душам“ Гоголя

дважды: в 1934 году Гослитиздатом и в 1937 году издательством «Академия».

Вторая половина 40-х годов прошла у Агина с гораздо меньшим художественным успехом. Закончив рисунки к «Мертвым душам», вероятно, в начале 1847 года, он больше всего работал для журнала «Иллюстрация». На протяжении 1847 и 1848 годов он поместил в нем немало работ. Из них наиболее удались Агину рисунки петербургских народных типов: булочника, «вокансона» — старого служивого, ходившего по дворам с самодельным паяцем и балалайкой, а также сцены из городской жизни: «Выход хозяев» из лавки перед ее закрытием, «Выход из должности» мелких чиновников, «Выход из кабака» загулявших простолудинов и, наконец, «Выход журнала «Иллюстрация». В этом журнале помещена характерная иллюстрация к «Цыганам» Пушкина — сцена в таборе.

В 1848 году журнал «Иллюстрация» прекратился, и Агин снова стал испытывать тяжелые материальные лишения. Мало поддерживали Агина и многочисленные уроки рисования, так как он давал их чаще всего неимущим художникам. Друзья купили ему сюртук, но он не имел белья и должен был прилаживать манишку, манжеты и воротничок, «ловко им скроенные», как отмечал один из его учеников, из плотной бумаги.

В «Литературном сборнике» Некрасова и Панаева 1849 года была помещена одна из иллюстраций Агина к «Повести о капитане Копейкине» — сцена в приемной «вельможи». В ней особенно выразительны «вельможа» с физиономией

тогдашнего министра финансов и смиренный проситель с цилиндром в руках. В лице последнего есть что-то общее с чертами лица Агина на рисунке художника А. Чернышева, и существует мнение, что в этом просителе Агин изобразил самого себя.

На появлении «Литературного сборника», по сути дела, обрывается деятельность Агина и Бернадского. Несколько агинских виньеток для «Альбома патриотических стихов» 1854 года и гравюры Бернадского для отчета о каких-то археологических изысканиях — вот все, что появилось после 1853 года. Тот факт, что оба художника одновременно и сразу прервали свою работу в 1849, не может быть объяснен отказом издателей к этому времени от репродукций посредством гравюры на дереве и заменой их литографией, к которой ни Агин, ни Бернадский не имели никакой склонности. Дело было, видимо, в ином: Агин и Бернадский примыкали к разночинно-демократическим кругам Петербурга. Бернадский даже интересовался идеями петрашевцев, их критикой николаевской системы произвола и беззакония и одно время входил в кружок самого Петрашевского. Агин по всему складу своей жизни не мог иначе, как только оппозиционно, относиться к царскому строю и не мог не разделять политических взглядов своего многолетнего друга и товарища по работе. Когда летом 1849 года Бернадский был арестован следственной комиссией по процессу петрашевцев, друзья Агина опасались и его ареста. Однако Агина не арестовали, но Бернадского

после допроса заключили в казематы Петропавловской крепости, где он находился в таких тяжелых условиях, что покушался на самоубийство. Лишь случайно Бернадский отделался сравнительно благополучно. Когда в следственной комиссии Бернадского спросили: «Вы коммунист?» — художник придурковато ответил: «Нет, я Ефим Бернадский». Следователи отпустили его. Но, как и все, привлеченные по делу петрашевцев, Бернадский уже навсегда оставался под бдительным надзором полиции.

Николаевская цензура неблагоприятно относилась к иллюстрациям Агина, а сам Агин не стеснялся, как мы знаем, некоторым комическим персонажам своих иллюстраций придавать черты сановников того времени. Это возбуждало против Агина цензуру, неразрывно связанную с полицейской агентурой. Имеется полное основание утверждать, что николаевская жандармерия, отлично осведомленная о тесной дружбе Агина и Бернадского и об их политическом единомыслии, приняла меры к тому, чтобы после дела петрашевцев отстранить художников от печати, и сумела поставить их жизнь в тягчайшие условия.

Последние годы Агина были полны лишений. В начале 50-х годов Агин перенес тяжелое потрясение: пропал без вести горячо им любимый брат Василий, ушедший ополченцем, «морским охотником», в Крымскую войну. Он был занят снятием карт всех шхер Финского залива и подводных камней в окрестностях Кронштадта. О нем есть сведения, что он отличался прямым и от-

крытым характером и был недурным пейзажистом. Но ни одной его живописной работы до нас не дошло.

Агин решил покинуть Петербург. С гибелью единственного близкого художнику человека уж ничто не связывало его с этим городом. К тому же работа по исполнению рисунков к басням Крылова для памятника Крылову в ленинградском Летнем саду скульптора Клодта заоччилась. А исполнение карт Финского залива, которыми Агин вместе с братом в начале 50-х годов был занят довольно продолжительное время, ему опротивело вконец. Агин перебрался на юг России и поступил учителем рисования в Владимирский кадетский корпус. Ввиду мизерного жалованья он начал давать уроки рисования детям миллионера-промышленника Мальцева. Мальцев был чванный и грубый самодур. Однажды Агин не выдержал какой-то выходки Мальцева и, «нищ, как есть», внезапно бросил дом богача. Преподавал он также в доме другого миллионера, известного коллекционера Тарновского.

В 1855 году в печати отмечали, что в Киеве на педагогическом поприще работает «знаменитый» автор рисунков к «Мертвым душам». На этой работе Агин оставался недолго и уже в 1869 году порвал с ней. Умер он в 1875 году, в Черниговской губернии, в имении Тарновского «Каченовка». О последних годах жизни Бернадского мы не имеем никаких данных.

До нас дошли только два рисунка с изображением Агина. На одном — художника А. Чернышева — он представлен еще совсем юным среди

товарищей за работой в академическом рисовальном классе вблизи его руководителя Карла Брюллова. Хотя большая часть лица Агина скрыта широким надглазным зонтиком, все же ясно различаются приятные линии лица.

Примерно лет десять отделяют второй рисунок от первого. Он исполнен П. Федотовым на листе портретных зарисовок друзей художника. Лицо слегка шаржировано, на голове видны следы полустертой короны. Это и все, что сохранила нам история от внешнего облика Агина, не донеся ни одного портрета Бернадского.

Александр Агин был художником высокой, самобытной одаренности. Его творчество положило начало реалистическому направлению в русском графическом искусстве.

Только малую долю своего большого дарования он сумел показать в условиях моральной и материальной тяжести одинокой, неудачно сложившейся жизни, в условиях его подавившего административного гнета николаевского режима.

Редактор *А. Леонов*

Обложка—гравюра на дереве

М. Маторина

Технический редактор *А. Сидорова*

A11047. Подп. в печ. 26/IX 1946 г.

„Искусство“ № 10874. Кол. п. л. 1³/₄.

Уч.-изд. л. 1,3. Зн. в 1 п. л. 43792.

Тираж 15000. Зак. 1042.

Цена 2 р. 25 к.

Тип. „Красный печатник“, Москва.

ул. 25 Октября, 5.

2 р. 25 к.

№ 64

Sp

- 35

-20/

